

Министерство образования Российской Федерации
Брянский государственный университет
имени академика И.Г.Петровского

Кафедра всеобщей истории

**Межвузовский сборник
научных трудов**

Выпуск 11

**ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Брянск: Издательство БГУ, 2002

Т.А. Черноверская
Новосибирский госпедуниверситет

РАЗГОВОР НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ: СЕН-ЖЮСТ И БОРЬБА ГОРЫ И ЖИРОНДЫ (сентябрь 1792 – июль 1793 годов)

Природа конфликта Горы и Жиронды в разные времена и различными историками трактовалась по-разному: как обычная борьба честолюбий, борьба за власть, как отражение в политической борьбе социального конфликта (буржуазии и народа, крупной буржуазии и трудящихся масс – или “образованной массы и темного класса”) или противостояния Парижа и провинции¹. В то же время, столетие назад А. Олар писал, что “очень трудно сказать, какими основными идеями жирондисты отличались от монтаньяров. Читая их речи, их памфлеты, их газеты, не замечаешь почти никакой разницы между культурным развитием и идеалами тех и других”².

Анализ текстов публичных выступлений Антуана Сен-Жюста в ноябре 1792 – июне 1793 годов, а также реакции современников на эти выступления, позволяет взглянуть на конфликт Горы и Жиронды под несколько нетрадиционным углом зрения.

В СТОРОНЕ ОТ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ

8 июля 1793 года Комитет общественного спасения представил Национальному конвенту доклад по делу жирондистских лидеров, изгнанных из Конвента в результате народного выступления 31 мая – 2 июня и подвергнутых домашнему аресту. Доклад, подготовленный во исполнение декрета 2 июня, был в полной мере плодом коллективного творчества Комитета: 16 июня подготовка его была поручена Камбону и Сен-Жюсту, 19 июня возложена на одного Сен-Жюста, 24 июня проект доклада был прочитан на заседании Комитета, 2 июля, после обмена мнениями и внесения уточнений, окончательно утвержден им и лишь 8 июля вынесен на рассмотрение Конвента. На первый взгляд, и сам доклад, и предложенный проект декрета совершенно не соответствует напряженности момента, когда жирондисты,

бежавшие в департаменты, подняли или возглавили там восстание, фактически сомкнувшись с роялистской контрреволюцией. Не соответствует, прежде всего, умеренностью выводов: репрессиям, преследованиям должны были подвергнуться лишь те, кто не только словом, но и делом причинил вред Республике, кто принял непосредственное участие в организации федералистского мятежа. “Свобода не будет жестокой к тем, кого она обезоружила”, – заявил Сен-Жюст³.

Умеренность эта отчасти становится объяснимой, если обратить внимание на то, что и текст Конституции, принятой Конвентом 24 июня 1793 года, тоже отличается меньшим радикализмом по сравнению с конституционными проектами монтаньяров. Очевидно, что якобинские лидеры сознавали необходимость мер, способных консолидировать общественные силы, смягчить противоречия между Парижем и департаментами⁴. Надеждам этим не суждено было осуществиться. Но с точки зрения потребности в умиротворении может показаться странным и неожиданным выбор докладчика, – если учесть репутацию Сен-Жюста, сложившуюся после его первой речи “О суде над королем”.

Однако в конфликте между Горой и Жирондой Сен-Жюст занимал на протяжении предшествующих месяцев своеобразную позицию. Определив с самого начала работы Конвента свое место среди депутатов-монтаньяров, постоянно оспаривая мнения и проекты жирондистов по общеполитическим вопросам, он вплоть до антижирондистского восстания оставался как бы в стороне от непосредственных парламентских и внепарламентских столкновений между двумя партиями. И позиция эта была вполне осознанной: 28 января 1793 года, через неделю после того как был приведен в исполнение приговор “бывшему королю французов”, Сен-Жюст взывает к своим коллегам-депутатам: “Забудьте о себе. Французская революция находится между триумфальной аркой и скалой, которая всех нас может раздавить. В ваших интересах – избежать раскола. Какими бы ни были наши расхождения во мнениях, сегодня существование тиранов заставляет нас забыть о них. Мы все победим или все погибнем”⁵.

Но обратим внимание на то, какой отклик встречали у жирондистов, по крайней мере, у некоторых, выступления Сен-Жюста. Еще в ноябре 1792 года его заметил один из лидеров партии Пьер Бриссо. После речи Сен-Жюста “О суде над королем” 13 ноября 1792 года Бриссо писал в своей газете “Патриот Франсэ”, что “среди идей преувеличенных, свидетельствующих о молодости оратора, в речи есть блистательные места, талант, который может сделать честь Франции”⁶. Это была та самая речь, которая стала началом конца безраздельного господства Жиронды в Конвенте, поколебав в вопросе о судьбе “бывшего короля французов” позицию Равнины. Вторая речь Сен-Жюста, произнесенная в Конвенте две недели спустя, 29 ноября, речь “О продовольствии”, была встречена аплодисментами правой, и на следующий день “Патриот Франсэ” отмечала: “Сен-Жюст излагает вопрос фундаментально, во всех его политических и нравственных аспектах; он выказывает ум, горячность и философию, и делает честь своим таланту, защищая свободную торговлю”⁷.

Как объяснить, что Бриссо не увидел в Сен-Жюсте потенциального политического противника? Возможно, что водораздел между партиями в Конвенте еще не сложился окончательно, многие новички, в том числе будущие твердые, последовательные монтаньяры, не определили в эти первые месяцы своей позиции по отношению к Горе и Жиронде. Так, Филипп Леба, впоследствии близкий друг и неизменный спутник Сен-Жюста во время миссий в Рейнскую и в Северную армии, писал отцу в октябре 1792 года о “кое-каких раздорах, неизбежных в больших собраниях” и отдавал должное “крупным талантам” безотносительно к их партийной принадлежности⁸. Не исключено также, что Бриссо надеялся привлечь на сторону своей партии молодого талантливый оратора. Да и речь “О продовольствии” с ее стихийной диалектикой не позволяла вполне определенно отнести Сен-Жюста к той или иной партии, – не случайно она получила высокую оценку и со стороны такого непримиримого противника жирондистов, как Жан Поль Марат: “Его речь свидетельствует о хорошем слоге, диалектике и дальновидности... Он очень хорошо, хотя и слишком пространно, показал, что мы далеко еще не свободны, что источником всех зол, терзающих нас, является наш эгоизм, наши пороки, что, если мы не примем предосторожностей, свобода наша станет для нас лишь горестным сном, который закончится страшным пробуждением”, – писал он 1 декабря в своей “Журналь де ла Републик Франсэз”⁹.

Весной 1793 года ситуация решительным образом изменилась, позиции депутатов определились, борьба между Горой и Жирондой достигла крайней степени напряжения. И отзыв близкого жирондистам Клода Фоше, данный за несколько дней до антижирондистского восстания, кажется совершенно парадоксальным: разбирая в своей “Журналь дез Ами” дискуссию в Конвенте по конституционному вопросу, Фоше заметил относительно речи Сен-Жюста “О Конституции” 24 апреля 1793 года, что тот “изложил свои взгляды и показал талант. Если он не позволит убийцам подрезать себе крылья, то сможет подняться к высотам гения (“убийцами” Фоше называет, разумеется, монтаньяров – Т.Ч.)”¹⁰. Чтобы объяснить это, не достаточно сослаться на неучастие Сен-Жюста в непосредственных межпартийных столкновениях, – а говорить о подвижности границы между партиями уже не приходится.

А.В. Гордон заметил как-то, что приблизиться к пониманию истинного смысла борьбы Горы и Жиронды возможно, лишь попытавшись “воспроизвести позиции столкнувшихся весной 1793 года сторон на том языке, который был привычен для них”. И далее: “Общим для жирондистов и монтаньяров был язык Декларации прав, лозунги Свобода, Равенство, Братство, принципы Революции, Республики, Отечества; но в одни и те же понятия вкладывался различный, подчас противоположный смысл (я бы сказала даже, что речь идет о двух разных языках с общим словарным запасом – Т.Ч.). В этих различиях прослеживается, строгая логика, определенная система, а точнее, две системы взглядов, две культурные традиции, две картины мира, за которыми угадывается два различных образа жизни”¹¹.

В плане теоретическом это язык учения о разделении властей (Монтескье) – и

учения о народном суверенитете (Руссо), язык политической экономии (физиократы) – и “моральной экономии”. Анализируя теоретические сочинения Сен-Жюста, создававшиеся в период, предшествовавший его избранию депутатом Национального конвента, можно заметить, как происходит у него смена языков. В трактате “Дух Революции и Конституции во Франции”, опубликованном в мае 1791 года, определенно преобладает язык Монтескье, влияние которого демонстрируется и в названии, и в эпиграфе, и в композиции, и в основных идеях книги, – хотя уже здесь появляются отзвуки некоторых идей Руссо. В трактате “О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления”, который он писал в основном летом 1792 года, Сен-Жюст пытается найти собственный путь, выработать собственную систему взглядов, основываясь на близких ему в определенной мере учениях Монтескье и Руссо, Мабли и физиократов¹². Сен-Жюст – депутат Конвента говорит уже фактически на языке принципов народного суверенитета и “моральной экономии”, но говорит как бы “с акцентом” теории разделения властей и политической экономии, и потому носителями обоих языков воспринимается не вполне адекватно.

“ДАТЬ НАРОДУ ОТЕЧЕСТВО”

Именно обоих. Бриссо попытался увидеть в нем союзника. И в то же время в феврале 1793 года, когда речь “О продовольствии” была выпущена отдельной брошюрой, а поднятые в ней проблемы обрели большую актуальность, чем в момент произнесения, Сен-Жюст сделался объектом нападков со стороны “бешеных” – причем за то же самое, за что его в ноябре хвалил Бриссо, за защиту принципа свободы торговли¹³. Лишь Марат, сам переживший глубокое увлечение идеями Монтескье, оказался в состоянии более верно понять его; как раз в начале марта он повторяет один из основных выводов Сен-Жюста, – что главное зло в избытке бумажных денег, – а также его предложение об уплате государственного долга путем выдачи кредиторам краткосрочных долговых обязательств, принимаемых в уплату только при покупке национальных имуществ¹⁴.

Можно предположить, что лидеры Жиронды были в числе тех “просвещенных политиков”, которые “заметили” и “в считанные дни раскупили” первый трактат Сен-Жюста “Дух революции”¹⁵. Если так, то вполне естественно, что и воспринимали они выступления Сен-Жюста на том языке, на котором трактат написан, и рассматривали автора скорее как своего возможного единомышленника.

Между тем, позиция Сен-Жюста и в социально-экономических, и в политических вопросах даже в самые первые месяцы работы Конвента существенно отличалась от позиции Жиронды. Достаточно обратиться к тексту двух его программных речей, которые и встретили сочувственный отклик у жирондистов – к речи “О продовольствии” 29 ноября 1792 года и “О конституции” 24 апреля 1793 года. Хотя с точки зрения рассматриваемой проблемы эти две речи не равнозначны: если

речь “О Конституции” с предельной четкостью разъясняет суть противоречий между Горой и Жирондой в политико-правовой сфере, то речь “О продовольствии” сама имеет переходный, и потому противоречивый характер – языком политической экономии Сен-Жюст пытается толковать о проблемах, относящихся скорее к сфере “моральной экономии”.

Понятие “моральная экономия” было введено сравнительно недавно, в начале 70-х годов английским историком Э. Томпсоном¹⁶, и подразумевает систему общеправовых и моральных представлений, традиций и обычаев, сложившихся в процессе накопления народным сознанием социального опыта и ставящую во главу угла право человека на существование – в противоположность принципу неограниченной экономической свободы, на котором базируется классическая политическая экономия.

Употребляя в речи “О продовольствии” ключевые положения политической экономии (“Мне не нравятся насильственные законы о торговле”¹⁷, “Правильна та мысль, что свобода торговли – мать изобилия”¹⁸, “Те, кто предлагает нам неограниченную свободу торговли, высказывают великую истину”¹⁹ и т.п.), Сен-Жюст вольно или невольно именно к ним привлекает внимание своих слушателей или читателей. Даже Робеспьер, выступавший по продовольственному вопросу тремя днями позже, отнес его, не называя имени, к числу тех защитников неограниченной свободы торговли, на которых обрушил самую резкую критику²⁰.

Речь Сен-Жюста свидетельствует не просто об основательном знакомстве автора с современной политической экономией. Экономические теории служат ему основой для анализа положения в стране, и анализ этот оказывается весьма глубоким и полным. Однако, рассуждая о свободе торговли и о тех “путях, связывающих эту свободу”²¹, Сен-Жюст, в отличие от большинства участников дискуссии в Конвенте о продовольствии в ноябре – начале декабря 1792 года, никак не соединяет данную свободу с понятием собственности. Общим пороком, который “подорвал основы нашей торговли и нашего земледелия”²², он считает безудержный выпуск бумажных денег и стремится найти такое решение продовольственной проблемы, которое было бы приемлемым и для крестьян-хлебопроизводителей, и для потребителей.

Чтобы продовольствие появилось на рынке, необходимо сделать так, “чтобы пахарь²³ больше тратил – или не отказывался накоплять бумагу” (т.е., ассигнаты – Сен-Жюст и в этой речи, и в других своих сочинениях систематически не желает употреблять применительно к ним слово “деньги”, называя ассигнаты либо “бумагой”, либо, в лучшем случае “знаками”)²⁴. Однако земледельцу нет необходимости “продавать, чтобы жить на свои доходы”, и побудить его вывозить зерно на рынок может либо необходимость выплачивать налоги и арендную плату – либо потребности, выходящие за пределы простых и естественных. Потому-то Сен-Жюст, в противоречие с демократической традицией, отказывается осуждать “роскошь пахаря” (“Я не сужу о том, является ли роскошь сама по себе благом”). По его мнению.

“если бы мы были столь счастливы, чтобы пахарь действительно любил роскошь, ему пришлось бы продавать свой хлеб, чтобы позволить себе излишества”. А это значит, что “в Республике... необходимо или допустить роскошь, или ввести жесткие законы против пахаря, которые погубят Республику”²⁵. Здесь Сен-Жюст как будто не выходит за пределы традиций экономического либерализма.

Но Сен-Жюст подходит к проблеме роскоши и с другой стороны. Производство предметов роскоши было одной из ведущих отраслей французской экономики “Старого порядка” и упадок, переживаемый этой отраслью с начала Революции, затронул и значительную часть купечества, и непосредственных производителей: “Что делает сейчас множество людей, живших за счет привычек богача?... Спросим себя, может ли масса людей, живших еще недавно за счет излишеств, роскоши, пороков другого класса, может ли она теперь существовать за счет одних лишь собственных потребностей?”²⁶. Здесь явственно слышится отзвук петиции рабочих Лиона, зачитанной в Конвенте в начале ноября 1792 года: “Мы просим лишь работы, чтобы иметь хлеб... Роскоши больше нет, и она оставила после себя большую пустоту, но Лион сильнее, чем другие города, испытал последствия этого исчезновения”²⁷ (напомню, что Лион был крупнейшим центром производства бархата и шелка). Это уже определенно “морально-экономический” подход.

Противопоставляя “нормальную” честную торговлю и спекуляцию, Сен-Жюст тоже как будто не вступает в противоречие с идеологами Жиронды (Верньо, Бриссо), известными как последовательные сторонники экономического либерализма, которые еще зимой 1791-1792 годов выступали против финансовых спекулянтов и скупщиков, нарушавших естественные условия хозяйствования в стране, вызывавших недовольство народных масс – для предпринимательской буржуазии, интересы которой представляла Жиронда, нормой является спокойное, осуществляемое в условиях экономической стабильности накопление²⁸. В отличие от них, для Сен-Жюста неограниченная свобода торговли хороша лишь в качестве “общего тезиса”²⁹, поскольку “наши продовольственные запасы исчезали по мере того как распространялась наша свобода, ибо мы увлеклись принципами свободы и пренебрегли принципами управления”³⁰, “наша свобода – дочь нищеты”, “нищета породила Революцию, нищета может ее и погубить”³¹, “если вы хотите основать Республику, вы должны позаботиться о том, чтобы вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которые его развращают”³², “все хотят Республики, никто не хочет ни бедности, ни добродетели. Можно сказать, что свобода ведет войну с моралью и хочет властвовать наперекор морали”³³. “Мораль” здесь отнюдь не абстрактная категория: она “должна быть теоретической основой законов, прежде чем стать основой гражданской жизни... Растворенная, так сказать, в законах, она склоняет всех к мудрости, устанавливая справедливые отношения между гражданами”³⁴. Свобода, в свою очередь, “не может править государством”, “если отсутствует закон”³⁵. Свобода, в том числе свобода

экономическая, не является для Сен-Жюста уже в это время абсолютной и безусловной ценностью, и сама должна подчиняться разумным законам, основанным на морали и природе, на принципах “независимости и сохранения”³⁶, гарантией свободы фактически является равенство в возможности удовлетворять первоочередные потребности. Позиция его представляется значительно более близкой позиции Беффруа или Робеспьера, поставивших право на жизнь выше права собственности³⁷, нежели отстаивавшим неограниченную свободу хлебной торговли жирондистам. Заявив в самом начале, что ему “не по душе насильственные законы о торговле”³⁸, Сен-Жюст на протяжении всей своей речи неоднократно подчеркивает, что “изобилие есть плод хорошего управления; а его-то нам и не хватает”³⁹, что “изобилие возникает благодаря совокупному действию всех законов”⁴⁰. Можно сказать, что он выступает не столько против каких-либо ограничений свободы торговли, “не столько против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частичных вмешательств”⁴¹. И потом он ^ призывает своих коллег-депутатов скорее принять “совершенную конституцию, которая связала бы воедино все интересы”⁴².

ПРОТИВ “КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ МИНИСТРОВ”

Принципы будущего государственного устройства Французской республики были одной из главных проблем, занимавших Сен-Жюста на протяжении следующих шести месяцев. Он касался некоторых вопросов организации власти в речах 28 января и 12 февраля 1793 года. В феврале его включили в состав Конституционной комиссии Якобинского клуба, 24 апреля, после того как по решению Конвента от 15 апреля 1793 года конституционные вопросы стали выноситься на обсуждение “каждые понедельник, среду и пятницу”⁴³, и начались прения по проекту, представленному от имени Конституционной комиссии Конвента Жаном Антуаном Кондорсэ 15 февраля, Сен-Жюст предложил коллегам собственный проект Конституции и его обоснование. Проект этот он систематически и последовательно противопоставляет проекту Кондорсэ, объясняя в своей речи суть и смысл противопоставления.

Общим для обоих проектов, как, видимо, для большинства проектов, вынесенных на обсуждение в эту весну, было признание выборов на основе всеобщего избирательного права универсальным способом формирования всех органов власти в государстве, и центральных, и местных. Но принципы, на которых Кондорсэ и Сен-Жюст строят свои проекты, различны: для первого фундаментом является принцип разделения властей, как он сформулирован Монтескье, для второго – принцип народного суверенитета Руссо. Этот принцип лежит и в основе якобинской Конституции 1793 года, в создании которой Сен-Жюст принял самое деятельное участие как член Конституционной комиссии Комитета общественного спасения, учрежденной 30 мая 1793 года.

С точки зрения учения о народном суверенитете верховная власть народа реализует себя через законодательствующую общую волю, а власть исполнительная остается лишь “служительницей” суверена. Такое положение вещей соответствует республиканскому принципу правления. Именно с этой точкой зрения связано широко распространенное в первые годы Революции определение государственного устройства Франции как “республиканской монархии” (или “республики с монархом”)⁴⁴ – по Конституции 1791 года король как глава исполнительной власти провозглашался, наряду с Законодательным корпусом, просто уполномоченным, представителем нации⁴⁵.

Это означает, что последовательно проводимый в проекте Кондорсэ принцип равновесия и независимости властей вступает в противоречие с принципом народного суверенитета в руссоистском его понимании. Еще большие противоречия создает предусматриваемый этим проектом способ формирования органов законодательной и исполнительной власти – прямые, хотя и по-разному организованные выборы на всех уровнях. Каждый министр – член Исполнительного совета выбирается всеми гражданами Республики, что делает его представителем всего французского народа как целого. В то же время члены Законодательного собрания избираются по департаментам и являются, соответственно, представителями лишь своего департамента⁴⁶. В итоге “издает законы федеративное представительство, а исполняет их совет представителей”⁴⁷ (подчеркнуто Сен-Жюстом – Т. Ч.). Такое положение вещей ставит Исполнительный совет выше законодательного корпуса и создает своего рода “королевскую власть министров”⁴⁸, ибо “королевская власть не есть правление одного человека, Она находит воплощение в любой силе, которая и принимает решения, и управляет”⁴⁹. В том, что его аргументация соответствует культурной традиции эпохи убеждает, мне кажется, тот факт, что два года спустя при обсуждении организации исполнительной власти в новой Конституции сходные аргументы были использованы Майлем⁵⁰. Сен-Жюст рассматривает Совет министров как орган, наделенный возможностью принимать коллегиальные решения и потому способный осуществить узурпацию верховной власти суверена. Поэтому в собственном проекте Конституции он предусматривает раздробление исполнительной власти, разделение функций Исполнительного совета и ответственных перед ним министров, которые совета не образуют⁵¹.

Проект Кондорсэ нарушает, с точки зрения учения о народном суверенитете, не только принцип верховенства народа, но и принцип неделимости суверена, поскольку избранные прямым голосованием органы местной административной власти⁵² становятся представительными органами по отношению к отдельным частям суверенного народа, а это означает дробление суверена. Сен-Жюст усматривает нарушение принципа неделимости суверена даже в “федеративном” способе избрания членов Законодательного собрания по департаментам, и в своем проекте предлагает способ, практически не поддающийся реализации – избрание депутатского корпуса всеми гражданами Республики по общему списку, а не по избира-

тельным округам, – а членов Исполнительного совета – собраниями выборщиков каждого департамента⁵¹, так что его проект становится как бы зеркальным отражением проекта Кондорсэ. Конституция 1793 года сохранила этот подход к способу формирования органов государственной власти, предусмотрев прямые выборы лишь для Законодательного собрания – и для низшего звена местной администрации, наделенного лишь определенными функциями управления, и не способного претендовать на то, чтобы представлять часть суверена, – и косвенные, в несколько ступеней, выборы для исполнительной власти и для административного корпуса, дабы лишить их характера представительства⁵⁴.

Таким образом, применение исключительно прямых выборов (проект Кондорсэ) или сочетание прямых и косвенных выборов (проект Сен-Жюста, Конституция 1793 года) свидетельствуют не о большем или меньшем демократизме избирательной системы, а о различных принципиальных основах их формирования. Но признание этого различия, понять которое помогает речь Сен-Жюста “О Конституции”, позволяет несколько по-новому взглянуть на некоторые детали взаимоотношений между Горой и Жирондой.

Среди обвинений, выдвигавшихся монтаньярами против жирондистов одно из центральных мест занимало обвинение в монархизме и федерализме. Предъявляя его, монтаньяры, естественно, апеллировали прежде всего к таким фактам, как исключительно быстрая адаптация их политических противников к режиму конституционной монархии в период Законодательного собрания и первых жирондистских министерств весны – лета 1792 года, или стремление жирондистов опереться на департаменты против Парижа, на который опирались монтаньяры, – в период Конвента, в особенности весной 1793 года, и разжигание федералистского мятежа. Жирондисты, искренне отвергая эти обвинения, демонстрировали их несовместимость. “Роялист, с точки зрения нашего языка, – писал Салль, – это человек, требующий короля. Федералист – это сумасбродный республиканец, желающий разделить Францию на восемьдесят пять независимых государств с риском увидеть их постоянно раздираемыми войнами”. Быть одновременно роялистом и федералистом так же невозможно, как быть одновременно безбожником и верить в бога⁵⁵. Салль, а вслед за ним Бюзо, обращаются к практике и здравому смыслу. Сен-Жюст же еще в речи “О Конституции” продемонстрировал совместимость этих двух понятий с точки зрения теории народного суверенитета, и у каждого из них была своя правота. Но в сфере политической, как и в сфере социально-экономической, жирондисты и монтаньяры разговаривают на разных языках, не понимая и/или не желая понять друг друга.

Что же до Клода Фоже, то он не воспринимал Сен-Жюста как политического противника скорее всего потому, что и сам находился вдали от центра межпартийной борьбы, а поиск путей соединения руссоистской теории и реальной практики государственного строительства, столь характерный для речей Сен-Жюста, увлекал и самого Фоже⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Гордон А.В. Падение жирондистов. М., 1988; Гусейнов Э.Е. Жиронда и перспективные проблемы изучения Французской революции. – Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (Материалы “круглого стола” 19-20 сентября 1988 года). – М., 1989. – С.175-182; Он же. Жиронда в период Законодательного собрания. – Буржуазия и Великая Французская революция. – М., 1989. – С.53-96.
2. Олар А. Политическая история Французской революции. – М., 1938. – С.481
3. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. – СПб., 1995. – С.92.
4. Гордон А.В. Классовая борьба и Конституция 1793 года //Французский ежегодник. – 1972. – М., 1974. – С.155-157.
5. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.39.
6. Hamel E. Histoire de Saint-Just. – P., 1859. – P.117-118.
7. Ibid. – P.133.
8. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. – М., 1979. – Т.Ш. – С.518.
9. Марат Ж.П. Избранные произведения: В 3-х тт. – М., 1956. – Т.3. – С.186.
10. Dautry J. Saint-Just et l'abbé Fauchet //AHRF. – 1959. – №122. – P.189-190.
11. Гордон А.В. Иллюзии-реалии якобинизма //Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. – СПб., 1995. – С.368. Использован первоначальный рукописный вариант статьи.
12. См.: Черноверская Т.А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста //200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. – М., 1989. – С.21.
13. См. напр.: Петиция парижских секций, представленная Национальному конвенту 12 февраля 1793 года //Захер Я.М. Великая французская революция. Учебник и хрестоматия. 3-е изд. – Л., 1926. – С.80.; Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch-Vellay. – Т.1. – P.410-411.
14. Marat J.P. Textes choisies. – P., 1975. – P.232-234. См. также: Солтановская Т.Г. Жан Поль Марат и “бешенные” весной 1793 года //Вопросы новой и новейшей истории. Вып.23. – Киев, 1983. – С.77.
15. Barère B. Mémoires. – Bruxelles-Leipzig, 1844. – Т.4. – P.374.
16. Tompson E. Thé Moral Economy of English Crowd in XVIII Centuiy //Past and Présent. – 1971. – №50. – P.76-136.
17. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.16.
18. Там же. – С.17.
19. Там же. – С.20.
20. Робеспьер М. Избранные произведения: В 3-х тт. – М., 1965. – С.128-129.
21. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.17.
22. Там же. – С.16.
23. Сен-Жюст употребляет термин “laboureur”, обозначающий представителей крестьянской верхушки – своего рода промежуточную категорию между крупными фермерами и крестьянской массой, “полнонадельных”.
24. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.20.
25. Там же.
26. Там же. – С.19.
27. Жорес Ж. Указ. соч. – С.326.

28. Гусейнов Э.Е. Жиронда и перспективные проблемы изучения Французской революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (Материалы "круглого стола" 19-20 сентября 1988 года). – М., 1989. – С.180; Буржуазия и Великая французская революция. – М., 1989. – С.88-91.
29. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.20.
30. Там же. – С.18.
31. Там же. – С.19.
32. Там же. – С.17.
33. Там же. – С.20.
34. Там же. – С.17.
35. Там же. – С.21.
36. Там же. – С.253-254.
37. Жорес Ж. Указ. соч. – С.420; Робеспьер М. Указ. соч. – С.128.
38. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.16.
39. Там же.
40. Там же. – С.21.
41. Michalet Ch. Économie politiques chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation révolutionnaire // Actes du colloque Saint-Just. – P., 1968. – P.186.
42. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.21.
43. Олар А. Политическая история Французской революции. – М., 1938. – С.353.
44. Там же. – С.187.
45. Документы истории Великой французской революции. – М., 1990. – Т.1. – С.116-117.
46. Там же. – С.171, 172.
47. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.47.
48. Там же.
49. Там же.
50. Бовыкин Д.Ю. "Ни короля, ни анархии". Исполнительная власть в Конституции III года Республики // Исторические этюды о Французской революции. – М., 1998. – С.206.
51. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.57, 59.
52. Документы истории ... – С.170.
53. Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. – С.54, 57.
54. Документы истории ... – С.220, 223, 224.
55. Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins. – P., 1867. – Т.1. – P.CIV-CV.
56. См. о Фоме: Барни Р. Фоме и "Социальный кружок" // Французский ежегодник. – 1983 – М., 1985. – С.149-174.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

<i>Блуменау С.Ф.</i> Учитель	6
<i>Чеканцева З.А.</i> Устойчивые слухи в обществе как проявление "коллективного воображаемого". Франция 1661-1789 годов	8
<i>Блуменау С.Ф.</i> Французская революция и гражданское устройство духовенства	19
<i>Черноверская Т.А.</i> Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды (сентябрь 1792 – июль 1793 годов)	32
<i>Бовыкин Д.Ю.</i> "Разум и воображение республики": законодательная власть в Конституции 1795 года	43
<i>Сергиенко В.Ю.</i> Французские конституционные монархисты в эмиграции: группа Мунье, Малуэ, Малле дю Пана в 1794-1795 годах	63
<i>Федин А.В.</i> Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции: историография проблемы	72
<i>Лалоное А.В.</i> Англо-русские противоречия в 1799-1801 годах и взгляды британских политиков на стратегию борьбы с Францией	83

Часть вторая ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К XX ВЕКУ

<i>Зайцева М.А.</i> Проблема Кале в законодательстве английского парламента на последнем этапе Столетней войны	92
<i>Воронина Г.А.</i> Священное писание и начало критики поллардизма Р.Пикоком	104
<i>Айзентшат М.П.</i> Социальные движения в общественно-политической жизни Британии (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков)	109
<i>Войтов Р.В.</i> Англия 60-70-х годов XIX века в оценке консервативного и либерального общественного мнения России	118
<i>Гелла Т.Н.</i> Суданская кампания 1884-1885 годов и английские либералы	124
<i>Ранчинский В.П.</i> Социальная структура этноконфессиональных меньшинств в Сирии в начале XX века	133
<i>Сагимбаев А.В.</i> Политика Великобритании на Ближнем Востоке: проблема выработки единого механизма принятия решений (1914-1922 годы)	142
<i>Артамошин С.В.</i> Идея "консервативной революции" в Германии в годы Веймарской республики: к постановке проблемы	157
<i>Залепеев В.Н.</i> Внешняя торговля нацистской Германии в 1930-х годах	168